

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Привыклим вслед за Гете думать, что Шекспиру "несть конца", энергично советуют в этом разувериться: реальность его существования вновь под большим вопросом. Пастернак, долгие годы проводивший над шекспировскими текстами как переводчик, не сомневался, что за ними распознается "лицо, которое было гением", и заключал: иные лица, называвшиеся в качестве истинных авторов, — выдумка. Но его вывод не остановил пытливую мысль, и вот в недавно вышедшей книге И.Гилилова "Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса" сделана попытка доказать, что Шекспира не было. Что это только псевдоним, четыре века обманывающий легковерных.

Писатель, скрывающийся за занавесом. Гравюра из книги Г.Пичема. 1612 г. На завесном венке надпись на латыни: "Сотворенное человеческим гением будет продолжать жить в ушах людей. Остальное же пусть умрет".

Алексей ЗВЕРЕВ

Естественно, существует и целая россыпь подобных гипотез. Шекспирами успели побывать философ и государственный деятель Ф.Бэкон, а также одно из главных действующих лиц на елизаветинской политической арене граф Саутгемптон. Шекспи-

рами временно числились прославленный мореплаватель У.Рэли и граф Эссекс, фаворит королевы, казненный после мятежа 1601 года, и помогший ему взойти на эшафот Р.Сесил, и даже сама Елизавета. "Настоящие" Шекспир и сегодня не переводятся: теперь самые большие акции у графа Оксфорда и графа Дерби.

Исходная посылка И.Гилилова трогательно проста. Был некто Уильям Шакспер, делец из Стратфорда, о трудом выведивший собственную подпись на деловых бумагах. Он не позаботился обучить хотя бы начаткам грамоты собственных детей. Он сутяжничал с должниками. В завещании он ни словом не обмолвился ни о книгах, ни о пьесах, зато дал точные указания, как распорядиться домашней утварью, вплоть до кроватей. И вот такой человек написал "Гамлета", "Бурю", сонеты? Полноте! Как говаривал в "Письме к ученому соседу" Василий Семи-Булатов, "этого не может быть, потому что этого не может быть никогда".

Вспомнить чеховский рассказ заставила Э.Венгерова, которая ведет постоянную газетную колонку с тем же названием "Письмо к ученому соседу" — некие интеллектуальные комментарии,

Бедный Уилл!

Настенный памятник Шекспиру в стратфордской церкви

которыми балует своих читателей еженедельник "Экран и сцена". Именно здесь прозвучало сообщение Э.Венгеровой, что "у нас в Москве сенсация, которой ждал весь мир". Ясно какая: Шакспера наконец-то поставили на место. Невежда — он и есть невежда, и кому еще непонятно, "что стратфордская версия — нелепость"? Разве что британским академикам, не желающим выпустить из рук "козырный туз национально-го пантеона". Да еще нам, "ортодоксам и лопухам", вырощенным за железным занавесом, то есть не приобщенным к открытиям передовой западной науки.

Последняя, если верить Э.Венгеровой, давно уразумела, что не может быть "у этого парня из Стратфорда самый большой в мире словарный запас" и вообще не мог он писать то об Италии, то о Франции, "ежели никогда дальше Лондона не высывал носа". Замечательные аргументы! Не проверить ли аутентичность рукописи "Каменного гостя", поскольку Пушкин дальше Арзрума не путешествовал?

При всем том отчего-то никто и ни разу всерьез не озаботился вопросом о том, для чего бы "истинному" Шекспиру, Великому Барду, прятаться за спиной ничтожества, имевшего какое-то отношение к знаменитому театру "Глобус". Ведь в тогдашней аристократической среде занятия литературой не считались предосудительными. Графиня Рэтленд, которую И.Гилилов называет соавтором мужа, а значит, претенденткой на бессмертие, была дочерью Филипа Сидни, выдающегося военачальника и политика, снискавшего не менее громкую славу на ниве поэзии. Так к чему был ей, да и блестяще образованному Рэтленду весь этот маскарад? Просто из-за того, что они были напрочь лишены тщеславия? Опять же для чего в сборнике "Голубь и Феникс", состоящем, как полагает И.Гилилов, из стихов, сочиненных ими самими как бы в качестве пространной эпитафии их необыкновенной любви, появляется еще и отходная Шекспиру? Правда, ее текст увенчан подписью самого Шекспира, но, как водится у "еретиков", как раз это обстоятельство менее всего должно приниматься во внимание. Подписано Шекспиром, но написано, конечно, не Шекс-

SHAKE-SPEARES

SONNETS.

Neuer before Imprinted.

AT LONDON

By G. Eld for T. T. and are
to be sold by Iohn Wright, dwelling

Титульный лист "Шекспировских сонетов", изданных Т.Тарпом. 1609 г.

пиром, потому что Шекспир есть создание Рэтлендов, всячески это скрывавших, однако решивших наметнуть потомкам, что это они его придумали. Просто голова идет кругом от такого хитроумия.

В нем, однако, не было бы большой нужды, если бы создатель гипотезы, которая, как он уверен, становится ключом к шекспировской тайне, не на словах, а действительно осознал, что крайне опасное занятие — реконструировать житейскую достоверность, отправляясь от художественного факта. Как и воспринимать этот факт сквозь призму будничных обстоятельств. Много раз указывая, что никому не удалось "совместить шекспировские биографии с шекспировским творчеством", И.Гилилов строит всю свою аргументацию именно на этом пункте. А поскольку "совмещение" им понимается как прямое совпадение вплоть до деталей, у

Рэтленда сразу же находится намного больше прав назваться "истинным" Шекспиром, чем у того, кто числился в труппе "Глобуса" и ставил свое имя на первых изданиях прославленных пьес.

Рэтленд учился в Грейс Инн, а тот, кто известен как Шекспир, там не учился, но в "Генрихе IV" чувствуется знание обрядов этой юридической корпорации — надо ли объяснять, кто настоящий автор пьесы? В Падуе Рэтленд знал студентов-датчан, которых звали Розенкранц и Гильденстерн, — откуда бы этим именам взяться в "Гамлете", если он сочинен Шекспиром? Дворецкий Рэтленда записывает, что приобретена виола да гамба, а в "Двенадцатой ночи" — внимание! — упомянут именно этот инструмент. И т.д.

Если же какие-то подробности, связанные с Шекспиром, не соответствуют идее отсутствия такого поэта, от этих неудобных фактов проще всего отмахнуться, объявив их заведомо недостоверными. Шаксперу предписано оставаться ростовщиком, ничего не писавшим по причине полной бесталанности, и поэтому от солидно аргументированных предположений, что в рукописи "Томаса Мора" три страницы написаны Шекспиром, И.Гилилову приходится отмахнуться. Шаксперу надлежит испытывать полное равнодушие к литературе, поэтому можно опустить как несущественную деталь обоснованные предположения о том, что разысканные библиографами экземпляры холиншедовских "Хроник" и овидиевых "Метаморфоз" принадлежали этому выжиге. Шаксперу должна была остаться безразличной ужасная судьба Эссекса, а вот Рэтленд был замешан в заговоре. Стало быть, разумно обойти молчанием тот факт, что на волосок от гибели оказался и покровитель Шекспира Саутгемптон. Тогда появление великих трагедий, относящихся к этому периоду, легко объяснить рэтлендовскими терзаниями, а Шекс-

пир (то есть Шакспер), оказывается, тут ни при чем.

Отмечая эти несуразности, думаешь, однако, не о том, что они составляют некую специфическую особенность "еретических" толкований (в "канонических" их ничуть не меньше, и порой И.Гилилов показывает это с блеском). Думаешь о ненадежности самого биографического метода, как его понимает автор, похоже, уверенный, что это метод научный, а значит, непогрешимый. Так, правда, думал не он один, и случались на этом пути конфузы, по сравнению с которыми книга И.Гилилова выглядит венцом доказательности. В свое время не кто иной, как В.Ходасевич, тоже увлекавшийся вычитыванием зашифрованных жизненных фактов в поэтическом тексте, "доказал", что пушкинская "Русалка" повествует о несчастной судьбе крепостной девушки, которая утопилась, удостоверившись, что она беременна, и, помимо покаянных чувств, вызвала у поэта приступ потусторонней любви. Причем в изложении Ходасевича все это многих убеждало, пока за дело не принялся такой ас, как П.Щеголев, не оставивший от легенды камня на камне.

Но ведь и Ходасевич, упорствовавший в своем представлении о возможности реконструировать жизнь по стихам, тем не менее очень ясно сознавал, как непросто соотносить реальность существования с жизнью поэтического воображения. Оттого он, непревзойденный знаток Пушкина и всей пушкинской эпохи, все же после нескольких проб отказался от искушавшей его мечты создать жизнеописание русского гения. И думается, этим своим мужественным решением дал урок тем, кто, располагая материалом скудным, спорным, часто недостоверным, оповещает мир о сенсации.